

КОГДА два года назад в Киевский русский драматический театр имени Леси Украинки пришел новый главный режиссер, коллектив принял его очень доброжелательно: молод, талантлив, энергичен, не отягощен «взаимоотношениями». Ждали от него много.

Основа жизни каждого театрального организма — репертуар. Новый главреж не торопился с программными заявлениями. Правда, в одном из интервью сказал, что не собирается ставить в Русской драме украинскую драматургию. Меня (да и не только меня) это решение покорило. Не слишком ли категорично? Чем провинилась перед русским театром серьезная украинская пьеса и чем она хуже, к примеру, пьесы западной? Тем более, что театр имени Леси Украинки существует не где-нибудь, а в столице Украины.

Я помню, как начинали свою работу в театре такие его корифеи, как К. Хохлов, М. Романов, Ю. Лавров. С постановки «Каменного властелина» Леси Украинки начал К. Хохлов, и это была первая в истории русского театра сценическая интерпретация произведения великой украинской поэтессы. На памяти исключительный успех «Дочери прокурора» Ю. Яновского в режиссерском прочтении М. Романова. При поддержке Ю. Лаврова произошла встреча театра с новым для него драматургом П. Зягребельным, и родился спектакль «Кто за? Кто против?». Творческий и зрительский успех этих и многих других спектаклей по украинским пьесам был бесспорен.

Так стоит ли от такого наследия отказываться? Стоит ли прекращать традицию оплодотворения русского театра украинской драматургией и прозой?

Мечталось, что на сцене оживут великие характеры из драматургии И. Франко, М. Кулиша, В. Винниченко. Что состоится спектакль по лучшей античной повести Микола Хвильового «Иван Иванович». Что если не спектаклем, то хотя бы концертом будет отмечен юбилей Леси Украинки, совпавший с 50-летием присвоения театру (по его же просьбе) имени славной дочери Украины. Увы, все это осталось в мечтаниях.

Каждый художник, какую бы школу, стиль, направление они исповедовал, все-таки должен стремиться к самовыражению посредством того, что присуще национальной культуре. Тогда — я уверена в этом — придешь и к Шекспиру, и к Вольтеру, и к Чехову, и к Кафке. Придешь по-своему, самобытно, своей дорогой.

А ТЕПЕРЬ о том, что же играют и репетируют последние два года в театре.

«ПОЧЕМУ ПТИЦА ПОЕТ»?

ЗАМЕТКИ ТЕАТРАЛЬНОГО КРИТИКА

Людмила Приходько. — Киев. — 1991. — 8 стр.

Начну с «Перламутровой Зинаиды» М. Рощина, первой творческой заявки нового художественного руководителя театра Владимира Сергеевича Петрова. Соединить несоединимое в сложной и неорганизованной стихии комедии, как ни стремился режиссер, не удалось. Спектакль был показан 43 раза и сошел с афиши.

Следующая работа — «Савва» Л. Андреева. Взвываясь ставить «Савву» без Саввы (ибо В. Заднепровский, весьма неплохой характерный артист, не смог поднять эту чисто драматическую роль), постановщик обрел спектакль на неудачу. «Савва» едва собирает треть зала и уже поговаривают о его снятии с репертуара.

Спектакль по пьесе бельгийца Ф. Кроммелинка «Идея господина Дома» не принес театру ни кассового успеха, ни творческого.

Обещала быть интересной «Даме без камелий» Т. Ретигана, поставленная на А. Роговцеву, с приглашением режиссера Р. Виктюка. Но как показала премьера, театр Виктюка — вещь филигранная, в него недо долго вживаться, а не вбегать под стук уходящего поезда, на котором знаменитый мастер спешно отбывает в другие страны и города.

На перспективу заявлено «Приглашение в замок» Ж. Ануя...

А где же русская классика? Где серьезная современная пьеса? Где яркая зрелищная комедия?

Что-то не побуждает к разговору всерьез спектакль по пьесе братьев Стругацких «Жиды города Питера». Кажется, авторы не страдают излишней щепетильностью. О названии уж не говорю, от него за версту несет коммерцией. Правда, и тут (как и в «Савве») артисты слышат и видят друг друга, еще раз доказывая свою приверженность психологической школе театральной игры.

Да, я забыла еще сказать о «Смехе Лангусты» Д. Марелла, где утоляют свой актерский голод Н. Батурина и Л. Бакштаев.

Таким образом, судя по осуществленному и по заявленным намерениям, театр влору переименовать из Русской дра-

мы в театр западной пьесы. Но стоит ли?

Целый сезон в театре репетировали американский мюзикл «Кандид» Л. Бернштейна, либретто Хью Виллера по Вольтеру. В спектакле ощущается тоска по эстетизму, по внебытовому и внепсихологическому театру. Критики уже скрещивали шпаги по этому поводу, и можно бы, конечно, найти еще немало умных слов для аргументации (типа «полтергейстный», «амбивалентный» и т. п.), можно порассуждать, кто Петрову ближе и милей — эпикурец Рабле или моралист Вольтер. И все же хочется разделить мнение тех, кто считает, что в данном случае «цель» не оправдала средств. Это — не «настоящий» Бродвей. А плодить американизированную продукцию, чтобы подниматься до уровня развлекательного шоу... Наверяд ли это плодотворно.

Самое удивительное, что «тем», как утверждаю наши теоретики, виртуозно владеют тем, что мы начинаем утрачивать. Мировой театр стремится сегодня к психологизму. Брук, Штайн, Стреллер ставят русскую классику лучше, чем мы у себя дома. Они берут у нас классику, а мы? А мы чаще всего подбираем то, что лежит на поверхности и театральной вершиной никогда не станет.

БОЛЬНО. Больно за театр, который не переставешь любить и в который не переставешь верить.

Наверное, репертуарная линия, которая предполагает «перепланирование» старого дома, изменение его интерьеров, его стиля, полнее всего отвечает на многочисленные вопросы и артистов, и критиков. Особенно же нас волнует этот: будет ли продолжена на новом этапе, в новых условиях линия психологического духовного театра — или театр превратится в некий филиал молодежно-экспериментального коллектива, скорее склонный к коммерческому прескаату зрелища, чем к углубленной работе над жизнью человеческого духа на сцене.

Создается впечатление, что нынешнему художественному руководству просто неинтересно заниматься психологическим театром.

Кстати, о проблеме лидера. В иных серьезных театрах страны она решалась весьма осторожно. М. Ульянов стал худо-

жественным руководителем театра Вахтангова, К. Лавров — товстоноговского БТД. Естественные назначения. Голосуя за Ульянова и Лаврова, голосовали за творческое продолжение традиций, за бережное отношение ко всему лучшему, что было создано предшественниками. А как в театре имени Леси Украинки? Скоропалительность...

Вообще говоря, современный театр переживает сейчас некий промежуточный период, когда в его недрах рождается новая эстетика. Сложный процесс. Тем важнее, чтобы он происходил постепенно, органично.

Театр — это личности. А в театре имени Леси Украинки по существу нет очередной режиссуры: приглашения на постановку случайны и пока не принесли ничего хорошего. Может быть, в Киеве образовалась режиссерская «мертвая зона»? Некого пригласить? Мы так свыклились с этой мыслью, что уже готовы заменить вопросительные знаки восклицательными. А о профессионализме некоторых наших постановщиков заговариваем лишь тогда, когда услышим об их удачах за рубежом — во Франции, Германии, Китае.

Нет, мастера не перевелись, они есть. И могли бы выражать себя в театре на родной почве, а не где-нибудь. Обидно...

Падает качество ежевечернего спектакля. Спектакли сплошь и рядом идут без режиссерского глаза. Художественного руководителя отвлекает работа в театральном институте? Но ведь педагогикой можно заниматься и в родных стенах. Как-то даже неудобно напоминать, что Г. А. Товстоногов в пору становления БТД был у себя в театре утром, днем и вечером. И Ю. Любимов, и А. Эфрос, и К. Ирд, и О. Ефремов (в «Современнике»). Да только ли они...

ВИДЕТЬ в актере лишь материал для строительства собственных идей заманчиво, но недальновидно. Лучшие режиссеры отдавали актеру сердце. К сожалению, таких становится все меньше: проще уволить актера и взять другого, чем тратить время на воспитание, на возвращение своего сада.

В записных книжках К. Станиславского, недавно опубликованных, есть такие строки:

«Мы артисты. Мы играем, потому что нам хочется играть, это наша потребность. Почему птица поет?»

Чистый и звонкий звук струна издает, когда она натянута. И потому так трагична актерская «невостребованность».

В театре имени Леси Украинки практически весь костяк группы — среднее и старшее поколение — не сыграло за последнее время ничего значительного. Больно, что народный артист СССР Ю. Мажуга занят только в маленьком эпизоде в «Савве» и вскоре может вообще не появиться на подмостках, так как ему нечего играть. А что серьезного сыграли народные артисты УССР В. Заклунная, А. Смолярова, А. Пазенко, Н. Рушковский, А. Николаева, заслуженные артисты И. Дука, Л. Яремчук, А. Подубинский? Этот список можно продолжить.

Некогда О. Ефремов придумал для стариков МХАТа «Соло для часов с боем». А какие надежды у стариков театра имени Леси Украинки!..

Наконец, существует еще один немаловажный компонент театрального дела — зритель. Сегодня, как никогда, ему необходим духовный кислород. Но в зале пусто.

Русская драма много лет пользовалась нелестной репутацией театра, где режиссеры «съедают», где им не дают «состояться». Не думаю, что в данном случае идет к этому. И мои заметки продиктованы лишь одним: сохранить духовную культуру театра. Сумеет ли нынешнее художественное руководство выжать эту штангу? Будем надеяться, что сумеет.

Людмила ПРИХОДЬКО.